

ДИТЯ
ИЗ СЛОНОВОЙ
КОСТИ

Глава I

АЛЛАН ДАЕТ УРОК СТРЕЛЬБЫ

Сегодня я, Аллан Квотермейн, поведаю о самом невероятном приключении в моей жизни — а уж ее-то скучной не назовешь.

Помимо всего прочего, я расскажу о войне с племенем черных кенда и о гибели Джаны, туземного бога-слона. С тех пор я часто задавался вопросом, был ли тот слон обычным диким животным... или все-таки кем-то иным. Второй вариант мне кажется неправдоподобным, даже невозможным, а мои читатели пусть решают сами.

Пусть читатели судят и о религиозном культе белых кенда, об их притязаниях на магию. Скажу одно: если эта хваленая магия и существовала, то изъянов имела предостаточно. Взять, например, жрецов Харута и Марута, убежденных, что никто, кроме меня, не способен одолеть Джану. Ради того я и был приглашен в страну кенда, хотя в итоге слона убил Ханс. Ведь Джана едва меня не прикончил!

Ну что ж, слушайте, что со мной приключилось.

В другой истории, той, что названа «Священный цветок», рассказывалось, как я приехал в Англию вместе с молодым джентльменом по имени Скруп. Во-первых, чтобы живым и невредимым доставить его домой после происшествия на охоте, а во-вторых, чтобы распорядиться насчет редкой орхидеи, по просьбе моего друга, которого соотечественники зовут Братом Джоном, а туземцы — Догитой. Его считали умалишенным, но он как раз отличался редким здравомыслием. Таким, что более двадцати лет вел поиски, представлявшиеся совершенно безнадежными, пока при моем скромном содействии не завершил их с поразительным успехом. Впрочем, обо всем этом повествуется в «Священ-

ном цветке», и я упомянул ту историю лишь для того, чтобы объяснить, как оказался в Англии.

На родине я временно остановился у Скрупа, точнее, у родных его невесты, в прекрасном доме в Эссексе. Пишу «Эссекс», чтобы сохранить тайну этого места, а на самом деле гостил я в одном из соседних графств. Хозяева показали мне дом куда красивее своего — великолепный старый замок с кирпичными воротами-башнями, который был мастерски отреставрирован и превращен в современное жилище для любителей роскоши. Назовем его Рэгнолл-касл, по фамилии лорда-владельца.

О лорде Рэгнолле я слышал немало — все отзывались о нем как об эдаком Крайтоне Великолепном¹. Говорили, что он необыкновенно хорош собой, превосходно образован — получил диплом бакалавра с отличием по двум специальностям; хороший спортсмен — на лодочной регате был капитаном оксфордской команды; талантливый оратор, блиставший в палате лордов, храбрый охотник, перебивший в Индии немало тигров и другого крупного зверья; поэт, опубликовавший под псевдонимом томик стихов, снискавший большой успех; солдат, до выхода в отставку верно служивший короне; и наконец, обладатель огромного состояния, владеющий, кроме своих поместий, угольными копями и городом на севере Англии.

— Боже праведный! — воскликнул я, когда огласили весь список его достоинств. — Лорд Рэгнолл родился не в одной рубашке, а в семи! Надеюсь, он в них не запутается. Может, ему хотя бы в любви не везет?

— В любви ему как раз везет, причем невероятно, — ответила мисс Маннерз, невеста Скрупа, которая оказалась моей собеседницей. — Говорят, он помолвлен с самой красивой, милой и умной девушкой во всей Англии и они души друг в друге не чают.

— Боже праведный! — повторил я. — Какие же испытания уготовила судьба лорду Рэгноллу и его возлюбленной?

В один прекрасный день мне суждено было это узнать.

¹ *Крайтон Великолепный* (настоящее имя — Джеймс Крайтон) — шотландский эрудит XVI в., убит в возрасте 21 года. Это имя стало нарицательным для людей исключительной одаренности. Его образ использован Джеймсом Барри в комедии «Крайтон Великолепный». — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

Следующим утром мне предложили обозреть диковины Рэгнолл-касла, и я согласился. В действительности же мне хотелось взглянуть на самого лорда Рэгнолла, ибо рассказ о его бесчисленных добродетелях до глубины души потряс меня, бедного колониста, который в жизни не видывал ангелов во плоти. Дьяволов в образе человеческом я встречал предостаточно, а вот ангелов — ни единого, по крайней мере мужского пола. Вдруг удастся увидеть и другое ангельское создание — невесту лорда, которую, как я выяснил, зовут достопочтенной мисс Холмс. Так или иначе, я ответил, что замок осматрю с превеликим удовольствием.

В Рэгнолл-касл мы отправились ясным морозным днем — стоял декабрь. По приезде мистеру Скрупу сообщили, что лорд Рэгнолл, его добрый друг, занимается стрельбой в парке, но что мистер Скруп, разумеется, может показать дом своему гостю. Вошли мы втроем, вместе с мисс Маннерз. Будучи без пяти минут супругой Скрупа, она любезно привезла нас в своей карете, запряженной пони. Привратник проводил нас до главного входа, где передал заботам другого человека, которого именовал мистером Сэвиджем, а мне шепнул, что это камердинер его светлости.

Имя запомнилось, потому что в облике Сэвиджа ничего дикого не было и в помине¹. Прежде я ни в ком не видел подобного достоинства. Переодетый герцог, да и только! Во всяком случае, именно так я заочно представлял себе аристократов.

Черный фрак Сэвиджа отличался безукоризненностью, манеры — изысканной учтивостью, а за легкой иронией угадывался гонор. Камердинера можно было назвать привлекательным — представьте тонкий нос, внимательные глаза, а для пущей выразительности — небольшую лысину. Лет ему было тридцать пять — сорок. Он взял у меня шляпу и трость, которые я сперва не хотел отдавать, следовательно, у него был решительный характер. Вероятно, Сэвидж счел, что я способен испортить картины или иные произведения искусства тростью. Забрать лишь ее означало выдать свои подозрения, вот он заодно и потребовал шляпу.

Впоследствии мистер Сэмюэль Сэвидж подтвердил, что моя догадка верна. Дескать, из-за необычной внешности он принял меня за представителя опасного класса, о котором читал в газе-

¹ *Savage* — дикарь (англ.).

тах, а именно за «ханархиста». Я пишу это слово так, как услышал от Сэвиджа, ибо отсюда вытекает любопытный эпизод. Сэмюель Сэвидж, в иных отношениях человек безупречный и вышколенный, имел недостаток, сводивший все на нет. С начальными «х» он обращался чересчур вольно, то глотал, то произносил, где не нужно. Три таких вольности могли сойти ему с рук, четвертая настораживала. Он мог описывать картины Рэгнолла гладкими витиеватыми фразами, достойными пера Гиббона¹, а потом проглотить или не к месту вставить «х» и испортить впечатление. Каждый раз как ушат ледяной воды на голову! Происхождение Сэвиджа осталось для меня загадкой. Сам он никогда об этом не заговаривал, возможно, потому, что не имел точных сведений, но если бы граф нормандской крови женился на очаровательной кухарке-кокни, плодом их любви мог бы стать Сэмюель Сэвидж. В иных отношениях человек он хороший, верный, я очень его уважаю.

В тот день Сэвидж провел нас по замку, точнее, по парадным залам, показал множество сокровищ и сотни две полотен выдающихся старых мастеров, благодаря чему продемонстрировал собственное довольно бессистемное понимание истории. Если честно, меня тяготило излишнее многословие Сэвиджа, ведь в просторных залах было очень холодно: декабрь как-никак. Скруп и мисс Маннерз, видимо, не мерзли — их согревало взаимное восхищение. Мне же оставалось восхищаться мистером Сэвиджем, и два градуса выше нуля действовали на меня естественным образом.

Наконец мы двинулись из большой галереи в малую кратчайшим путем, то есть через протопленную комнату — кабинет лорда Рэгнолла, если я понял правильно. На миг задержавшись у камина, я заметил на стене картину, прикрытую шторкой, и спросил мистера Сэвиджа, что на ней изображено.

— Это, сэр, портрет будущей супруги его светлости, — ответил он с надменной отрешенностью. — Лорд прячет его от чужих глаз.

Мисс Маннерз приснула, а я проговорил:

— Благодарю вас. Не к добру так прятать портрет!

Тут за открытой дверью я приметил холл, где у меня забрали шляпу. Пропустив своих спутников в небольшую галерею,

¹ *Эдвард Гиббон* (1737–1794) — английский историк.

я скользнул в холл, взял шляпу, трость и вышел в сад: пусть Скруп осматривает замок, а я погуляю и согреюсь. Пока расхаживал взад-вперед по террасе, заметил павлинов, равнодушных, но, верно, понимающих, что их долг — служить украшением, холоду вопреки. Из падубовой рощицы, ярдах в пятистах от меня, грянули выстрелы, и я подумал, что стреляют не из дробовика, а из небольшого ружья.

Стрельба для меня — та же профессия, и я, не сдержав любопытства, зашагал к рощице, только не напрямую, а через кустарник. Наконец я оказался у поляны и, притаившись за величественным падубом, увидел двух мужчин — молодого егеря и самого Рэгнолла, которого узнал по описанию. Лорд впрямь выглядел великолепно: высокий, широкоплечий, с привлекательным добрым лицом, бородкой клинышком и большими темными глазами. На плечах у него была накидка, под ней — бархатная куртка; если бы не двустволка в руках, он напоминал бы своего предка, чей портрет кисти Ван Дейка, написанный во времена Карла I, только что показал мне мистер Сэвидж.

Я стоял за дубом и наблюдал, как лорд Рэгнолл пытается подстрелить вяхиря. На морозе птицы проголодались, им хотелось поклевать желудей. Красивые голубые вяхири то и дело подлетали к дереву и, прежде чем сесть, на миг зависали в воздухе, но охотник стрелял, и они упархивали. Бам! Бам! — гремели выстрелы, и очередной голубок исчезал.

— Черт поberi! — смеясь, воскликнул стрелок приятным голосом. — Чарльз, этот промах — двенадцатый.

— Ваша светлость, вы попали ему в хвост. Я видел, как вылетело перо. Я уже говорил, ваша светлость, что никто не прострелит крыло вяхирю, даже если птица замирает в воздухе.

— А я, Чарльз, слышал о другом. У мистера Скрупа гостит друг из Африки, который попадает в четырех птиц из шести.

— Тогда, ваша светлость, у мистера Скрупа гостит лжец, — отозвался Чарльз, вручая Рэгноллу второе ружье.

Это было уже слишком. Я вышел из-за дерева и, вежливо подняв шляпу, проговорил:

— Сэр, простите, что вмешиваюсь, но вы стреляете в вяхирей неправильно. Они вроде бы замирают в воздухе, а на самом деле садятся довольно быстро. Ваш егерь ошибся, сказав, что после вашего выстрела из хвоста вяхиря выпало перо. Обе ваши пули

просвистели в фуге над птицей, а на землю полетело не перо, а лист падуба.

На миг повисла тишина, прервал ее Чарльз, который хрипло воскликнул:

— Какая дерзость!

Лорд Рэгнолл — а это действительно был он — сначала осерчал, потом развеселился.

— Сэр, — начал он, — благодарю вас за совет, который, вне сомнений, прекрасен. Святая правда, я промахиваюсь каждый раз, когда стреляю в вяхирей из этих проклятых двустволок. Вот если бы вы продемонстрировали на практике то, что столь любезно изложили в теории, ценность ваших наставлений стала бы еще выше.

Его светлость ловко копировал мою интонацию. Он обладал чувством юмора, а моя фраза от волнения прозвучала несколько напыщенно.

— Дайте мне ружье, — попросил я, снимая шинель.

Лорд Рэгнолл протянул мне его с поклоном.

— Вы поосторожнее с оружием, — проворчал Чарльз. — Оно пневматическое и в полной боевой готовности.

Я обжег, точнее, попытался обжечь Чарльза взглядом, однако недоверчивый егеря и не думал отводить дерзкие, по-птичьи круглые глаза. Никогда прежде прислуга не досаждала мне так сильно. Потом подступили сомнения. Вдруг промахнусь? Я ведь почти не знаком с повадками английских вяхирей, а не попасть в эту птицу — дело обычное. И никогда не стрелял я из таких ружей, лишь по виду их заключаю, что они превосходны, созданы настоящим мастером. Если промахнусь, то как потом снести насмешки Чарльза и вежливое изумление его благородного господина? Я отчаянно желал, чтобы вяхири больше не появлялись и вопрос о моем мастерстве остался открытым.

Напрасные надежды. В поисках излюбленного корма вяхири слетались поодиночке и парами, а то, что их собратьев спугнули, птиц не останавливало.

— Ну, держитесь, господин мой! — процедил Чарльз. — Вот ваш шанс поучить его светлость, лучшего стрелка в наших краях.

Пока он говорил, один за другим подлетели два вяхири. Нас они не увидели и у падубовой рощицы затрепыхали крыльями, готовясь снижаться. До одного было ярдов пятьдесят, до друго-

го — семьдесят. Я решил начать с ближнего к нам: дал ему немного опуститься и, удобно уперев приклад в плечо, нажал на спусковой крючок. Пуля пробила вяхирю зоб, из которого посыпались желуди, птица камнем упала наземь. Другой вяхирь почувствовал опасность и почти сразу стал набирать высоту. Я удачно выстрелил из другого ствола и попал вяхирю в голову. Потом выхватил у Чарльза ружье, которое он на всякий случай зарядил, ведь к нам приближались еще два голубя. В первого я рискнул выстрелить издали, пуля ударила в хвост. Бьющаяся птица рухнула на землю. Во второго я прицелился, но, когда коснулся спускового крючка, услышал лишь щелчок.

Так я получил возможность поквитаться с Чарльзом, которой не преминул воспользоваться.

— Молодой человек, — начал я, пока он смотрел на меня, разинув рот, — научитесь осторожному обращению с этим оружием, оно весьма опасно. Коли вы подаете стрелку незаряженное ружье, значит способны на что угодно. — Я повернулся к лорду Рэгноллу и добавил: — Ваша светлость, прошу извинить меня за третий выстрел, он не делает мне чести. Я допустил ошибку, от которой предостерегал вас, сэр: не выстрелил на опережение. Впрочем, номер три может продемонстрировать вашему слуге разницу между пером вяхири и дубовым листом. — Я показал на перья из хвоста бедной птицы, которые до сих пор кружились в воздухе.

— Чертовщина какая-то, дьявол во плоти! — буркнул Чарльз.

Лорд Рэгнолл осадил его взглядом, снял шляпу и сказал мне:

— Сэр, практический пример в вашем случае куда нагляднее теории, а это редкость. Поздравляю, ваше мастерство воистину чудесно, если здесь нет доли везения... — Рэгнолл осекся.

— С вашей стороны думать так вполне естественно, — отозвался я. — Если прилетят другие вяхири, а мистер Чарльз зарядит ружье со всей ответственностью, я буду счастлив вас переубедить.

Тут раздался громкий возглас Скрупа, которому пронзительно вторила мисс Маннерз. Друзья искали меня и криками распугали всех вяхирей в радиусе полумили. Я об этом не жалел, ведь неизвестно, удалось бы поразить еще трех вяхирей или хотя бы одного.

— Кажется, спутники меня потеряли. Доброго утра вам, сэр, — невпопад проговорил я.

— Минуту, сэ! Могу я узнать ваше имя? Я Рэгнолл, лорд Рэгнолл.

— А я Аллан Квотермейн, — представился я.

— Ох! — воскликнул лорд Рэгнолл. — Вот в чем дело! Чарльз, это друг мистера Скрупа, джентльмен, который, как вы выразились, приукрашивает свои способности. По-моему, вам стоит извиниться.

Только Чарльз уже ушел — наверное, решил подобрать убитых вяхирей.

Тут подоспели Скруп и мисс Маннерз, привлеченные нашими голосами. Последовали объяснения.

— Мистер Квотермейн дал мне урок стрельбы по вяхирям из малокалиберной двустволки, — объявил лорд Рэгнолл, кивком показывая на подбитых птиц, которые так и лежали на земле.

— В этом он сведущ, — заметил Скруп.

— Еще как сведущ, — произнес его светлость. — Не верите мне, спросите младшего егеря.

— Стрельба из ружья — единственный мой талант, — скромно ответил я. — Это моя профессия, я много тренировался, вся живая пули в птичьи крылья. А вот с дробовиками ваша светлость наверняка оставит меня не у дел, дробовиком я лишь добывал съестное в Африке, вот и вся моя тренировка.

— Да, Аллан, — вмешался Скруп, — с дробовиком вам надеяться не на что, его светлость — один из лучших стрелков Англии.

— В этом я не уверен, — смеясь, парировал лорд Рэгнолл. — Мистер Квотермейн кажется мне темной лошадкой. Раз он здесь, мы это проверим. Мистер Квотермейн, завтра мы устраиваем охоту в местных угодьях, до сих пор нетронутых. Не желаете к нам присоединиться?

— Благодарю за приглашение, но это невозможно, — твердо ответил я. — У меня с собой нет ружья.

— Не беда, мистер Квотермейн, у меня есть пара казнозарядных ружей. Это техническое новшество, присланное мне на пробу. Я собираюсь их вернуть: для меня у них ложе коротковато. Вам они подойдут идеально, хотите — берите любое.

Я снова отказался: решил, что уязвленный Чарльз распушит про меня небылицы. Не хотелось и опростоволоситься перед молодыми вельможами — наверняка искусными стрелками, раз они приглашены на охоту.

— Правильно, Аллан! — воскликнул Скруп, мастер говорить невпопад. — В охоте на фазанов с лордом Рэгноллом тягаться не стоит.

Я вспыхнул, ибо в бестактности была доля правды, а лорд Рэгнолл учтиво заметил:

— Скруп, я пригласил мистера Квотермейна на охоту, а не на состязания по стрельбе. Надеюсь, он не откажется.

Выбора у меня не осталось, и я с замиранием сердца согласился.

— Простите, Скруп, что не могу пригласить вас, — извинился его светлость, когда мы обговаривали подробности. — Охоту мы устраиваем на семерых. Но может, вы и мисс Маннерз соблаговолите приехать завтра на ужин и останетесь до утра? Я познакомил бы вашу невесту со своей будущей супругой, — добавил он, слегка зардевшись.

Любопытная мисс Маннерз сгорала от желания увидеть прекрасную мисс Холмс, о которой столько слышала, и приняла приглашение, не дав жениху и рта раскрыть. Скруп обещал привезти меня утром и вызвался заряжать мне ружье. Я опасался подвоха со стороны недружелюбного Чарльза, полагаться на него не хотел, поэтому согласился с благодарностью. Так мы обо всем договорились.

На обратном пути мы проезжали городок, название которого я запомнил. Заметив мастерскую оружейника, я вспомнил, что у меня нет патронов, и решил заказать их. К счастью, лорд Рэгнолл сказал, что одолжит мне ружье двенадцатого калибра. Оружейник поинтересовался, сколько патронов мне нужно. Я попросил сотню, а он удивленно посмотрел на меня и проговорил:

— Если я не ошибся и вы готовитесь к завтрашней охоте в Рэгнолле, то вам, сэр, понадобится как минимум триста пятьдесят патронов. Я и многие соседи хотим полюбоваться этим зрелищем и рассчитываем, что у озера каждый охотник сделает хотя бы двести пятьдесят выстрелов.

— Хорошо, — кивнул я, опасаясь, что, если разговор продолжится, я выставлю себя полным невеждой. — Патроны я заберу завтра утром. Пожалуйста, навесьте в каждый по три драхмы пороха.

— Да, сэр. Унцию с восьмьюшкой дробин номер пять? Так все джентльмены заказывают.

— Нет, мне номер три, — попросил я. — Именно так, проследите. Всего доброго!

Оружейник снова смерил меня удивленным взглядом, а на выходе из мастерской я услышал, как он говорит помощнику:

— Да этот африканец собрался картечью страусов отстреливать! Не верю, что он толковый охотник, как бы его ни нахваливали.

Глава II

АЛЛАН ДЕРЖИТ ПАРИ

Следующим утром без четверти десять мы со Скрупом прибыли в Рэгнолл-касл. По пути мы забрали мои триста пятьдесят патронов, за которые пришлось выложить больше трех соверенов. В то время боеприпасы стоили дорого, так что опыт стрельбы по английским фазанам изрядно опустошил мои карманы. Впрочем, оружейник, которого Скруп подвез в своей карете, уверял, что заплатил я сущие гроши, ведь они с помощником почти всю ночь просидели, начиная их дробью номер три по моему особому заказу.

Когда я выбрался из кареты, ко мне подошел дородный, важный, как император, щеголь в бархатной куртке поверх алого жилета, за ним следовал не кто иной, как Чарльз, который в обеих руках нес по ружью.

— Это главный егерь, — шепнул Скруп. — С ним нужно держаться почтительно.

Сильно обеспокоенный, я снял шляпу и стал ждать.

— Я говорю с мистером Алланом Квотермейном? — пророчтал его императорское величество, оглядывая меня с холодным неодобрением.

Я сообщил, что так оно и есть.

— В таком случае... сэр, — начал егерь, запнувшись перед словом «сэр», будто заподозрил, что я лишь его африканский коллега, — у меня приказ его светлости передать вам эти ружья. Надеюсь, сэр, вы будете с ними аккуратны. Их прислали нам на пробу с возможностью возврата. Чарльз, разъясните иностранному джентльмену устройство ружей. При этом дуло направляй-

те вверх или вниз. Понятное дело, они не заряжены, но лишний раз объяснить не помешает.

— Благодарю вас, господин егерь, — отозвался я, немного уязвленный. — Только, думаю, про ружья я знаю почти все.

— Рад слышать, сэр, — с явным недоверием проговорил его величество. — Чарльз, насколько я понимаю, заряжать ружье для этого джентльмена будет сквайр Скруп. Надеюсь, он умеет делать это без риска. По приказу его светлости вам, Чарльз, надлежит сопровождать этих господ и носить патроны. Еще прошу считать, сколько выстрелов произведено и сколько дичи разных видов убито. Подбитые — не в счет, я устал от подобных историй.

Указания эти давались уже на порядочном отдалении от нас и для наших ушей не предназначались. У Скрупа они вызвали хихиканье, у Чарльза — ухмылку, а вот у меня — негодование.

Я взял казнозарядник и осмотрел: дорогое ружье, красивое, современное, с взведением подствольным рычагом.

— Ружье в полном порядке, сэр, — пророкотал Альый Жилет. — Держите его прямо, остальное оно сделает само. Главное — направляйте его дулом вверх. Дулом вверх, сэр, я знаю, что говорю, я калибры на глаз определяю. Еще не помешает подсказать, что мелкую птицу мы в Рэгнолле терпеть не можем. Упоминаю об этом потому, что последний джентльмен-чужеземец, гостивший у нас, — француз, конечно же, — за целый день попал в одну птаху на кусте, в двух загонщиков, в шляпу его светлости и в скворца.

Скруп разразился идиотским хохотом. Чарльз, от которого судьба не позволяла мне избавиться, повернулся к нам спиной и сложился пополам, будто от сильной боли в животе, а я разгневался.

— К черту, мистер егерь! — воскликнул я. — С какой стати вы меня поучаете? Занимайтесь своими делами, я займусь своими.

Тут из-за угла какого-то строения — мы разговаривали на конном дворе возле арсенала — показался лорд Рэгнолл собственной персоной. Чувствовалось, что его светлость слышал нашу беседу: вид у него был разъяренный.

— Дженкинс! — обратился он к егерю. — Последуйте совету мистера Квотермейна и займитесь своими делами. Возможно, вы не в курсе, но он перестрелял больше львов, слонов и другой

крупной дичи, чем вы — кошек. Как бы то ни было, не ваша забота читать наставления ему или любому из моих гостей. Лучше проведите загонщиков.

— Прошу прощения, ваша светлость! — выпалил Дженкинс. — Не в обиду будет сказано, ваша светлость, только слоны и львы не летают. Тот, кто привык охотиться на хищников, стреляет понизу, ваша светлость. Загонщики уже ждут в уголье, ваша светлость, — частил Дженкинс, а сам пятился, чтобы скорее исчезнуть.

Лорд Рэгнолл посмотрел ему вслед и засмеялся:

— Мистер Квотермейн, приношу вам свои извинения. Этот старый дурак достался мне в наследство, если так можно выразиться. Парадокс в том, что стреляет он из рук вон плохо, что опасно для окружающих, зато лучше всех в стране выращивает фазанов, вот я его и терплю. Пожалуйста, пройдемте в замок! Чарльз присмотрит за вашими ружьями и патронами.

Через дверь черного хода нас со Скрупом провели в большой зал, где представили другим участникам охоты. Многие из них остановились в замке. Стрелки собрались именитые, о мастерстве кое-кого я читал в газете «Филд», которую всегда покупаю в Африке, хотя порой из-за дальних экспедиций свежие номера вижу раз в год.

К своему изумлению, среди гостей я заметил знакомого. Не встречались мы, конечно, добрую дюжину лет, только на лица у меня память редкая, и я твердо знал, что и сейчас не ошибся. Лисья мордочка с бегающими серыми глазками и острым носом могла принадлежать лишь Ван Купу, в свое время прогремевшему на всю Южную Африку в связи с крупными махинациями, такими ловкими, что закон против них был бессилён. Одной из многочисленных жертв оказался и я, потерявший двести пятьдесят фунтов, что для меня немало.

Последняя наша встреча обернулась бурной сценой, в финале которой я гневно заявил, что, если увижу его в саванне, пристрелю на месте. Думаю, отчасти поэтому мистер Ван Куп исчез из Южной Африки, ведь я сразу раскусил этого отъявленного труса. Он наверняка только что приехал в Рэгнолл и сразу вошел в зал. Так или иначе, аферист не подозревал о моем участии в предстоящей охоте. В противном случае он вряд ли присутствовал бы здесь.

— Боже милостивый, Аллан Квотермейн! — пробормотал Ван Куп с таким изумлением, что привлек внимание лорда Рэгнолла, стоявшего неподалеку.

— Да, мистер Ван Куп, — бодро ответил я. — Аллан Квотермейн собственной персоной. Надеюсь, вы рады видеть меня так же, как я рад видеть вас.

— Боюсь, здесь какая-то ошибка, — проговорил лорд Рэгнолл, удивленно глядя на нас. — Это сэр Юниус, известный как мистер Фортескью.

— Неужели? — отозвался я. — Не уверен, что помню его под таким именем, но в том, что мы старые... друзья, не сомневаюсь.

Лорд Рэгнолл отошел в сторону, словно не желал участвовать в разговоре. Нас больше никто не мог услышать, и Ван Куп украдкой приблизился ко мне.

— Мистер Квотермейн, — негромко начал он, — после нашей последней встречи обстоятельства изменились.

— Уже понял, — хмыкнул я. — А у меня почти все по-прежнему. Если вам удобно вернуть мне двести пятьдесят фунтов, которые вы мне должны с процентами, буду очень признателен. В противном случае начну рассказывать о вас любопытную историю.

— Ах, мистер Квотермейн, — улыбнулся Ван Куп, отчего мне захотелось его пнуть, — знаете ведь, что тот долг я оспариваю.

— Неужели? — Я пожал плечами. — Тогда вы и мою историю оспорите. Вопрос только в том, кому поверят, когда я предоставлю доказательства.

— Слышали про закон об исковой давности, мистер Квотермейн? — ехидно поинтересовался Ван Куп.

— Если применительно к вам, то нет, — категорично заявил я. — Так что вы предпримете?

— Мистер Квотермейн, вы ведь заядлый охотник, — произнес Ван Куп после недолгих размышлений, — поэтому у меня к вам предложение. Если сегодня я подстрелю больше птиц, чем вы, то вам придется умолчать о моих африканских делах; если же удача будет на вашей стороне, то все бывшее останется в тайне, но я верну вам двести пятьдесят фунтов с процентами за шесть лет.

Я тоже задумался, понимая, что у этого человека припрятан туз в рукаве. Разумеется, я мог отказаться и раздуть скандал.

Только скандалы мне не по нутру, и к двумстам пятидесяти фунтам они не приближали меня ни на шаг. А вот если я выиграю, то, может, и верну потерянное.

— Хорошо, договорились, — согласился я.

— Сэр Юниус, что за пари держите? — осведомился лорд Рэгнолл, снова приближаясь к нам.

— Долгая история, — ответил Ван Куп. — Если коротко, то много лет назад я странствовал по Африке, и у нас с мистером Квотермейном возникли недоразумения из-за пяти фунтов, которые, по его мнению, я ему должен. Чтобы больше не спорить по пустякам, мы договорились выяснить отношения на сегодняшней охоте.

— Неужели? — с абсолютно серьезным видом поинтересовался лорд Рэгнолл. Чувствовалось, что он сомневается в сумме, которую объявил Ван Куп: возможно, лорд слышал больше, чем мы предполагали. — По правде, я не большой любитель пари, сэр Юниус, раз уж об этом зашла речь. К тому же вчера мистер Квотермейн упомянул, что в Англии он прежде на фазанов не охотился, то есть условия справедливыми не назовешь. Впрочем, вам, джентльмены, виднее. Скажу лишь, что, поскольку вопрос денежный, я поручу авторитетному человеку считать убитую дичь и сообщать результаты мне.

— Договорились, — кивнул Ван Куп, точнее, сэр Юниус.

Я промолчал, потому что на самом деле уже стыдился нашей затеи.

Случилось так, что к первому угодию, до которого от замка полмили или чуть больше, мы с лордом Рэгноллом шли вместе, обогнав остальных.

— Так вы водили знакомство с сэром Юниусом? — полюбопытствовал он.

— Я водил знакомство с мистером Ван Купом, — уточнил я. — Было это лет двенадцать назад, до того, как он исчез из Южной Африки, где прослыл очень удачливым... спекулянтom.

— Исчез из Африки и появился здесь. Десять лет назад он купил большое поместье неподалеку от меня. А три года назад стал баронетом.

— Как человек, подобный Ван Купу, мог стать баронетом? — спросил я.

— Полагаю, он купил себе титул.

— Купил?! Неужели в Англии титулы продаются?

— Мистер Квотермейн, вы восхитительно наивны, как и по-добает африканскому охотнику! — засмеялся лорд Рэгнолл. — Вашему другу...

— Простите, лорд Рэгнолл, в отличие от вашего егеря, человек я простой. Манеры у меня не такие изысканные, поэтому я не смею называть сэра Юниуса, в недавнем прошлом мистера Ван Купа, своим другом — по крайней мере, серьезно.

Лорд Рэгнолл снова засмеялся:

— Человеку, против которого вы держите пари, очень помогло его состояние. Я говорю лишь о том, что знаю доподлинно, хотя точными цифрами не владею. По разным данным, у сэра Юниуса от пятнадцати до пятидесяти тысяч фунтов, а то, что он стал баронетом, — чистое совпадение.

Я удивленно посмотрел на собеседника.

— Вот такая история, — продолжал лорд Рэгнолл. — Самому мне сэр Юниус не по нраву, но по фазанам он стреляет отлично, так что ему все двери открыты. Стрельба в наших краях возведена в культ, мистер Квотермейн. К примеру, по традиции в этом поместье мы должны убить больше фазанов, чем в других местах королевства, поэтому следует созывать добрых стрелков, а они не всегда добрые друзья. Как ни досадно, я вынужден отдавать дань традиции.

— При таких обстоятельствах, лорд Рэгнолл, я начисто отказался бы от охоты. Как хобби она хороша, но, когда уподобляется коммерции, становится отвратительной. Поверьте мне на слово, я много лет считаю охоту своей профессией.

— А это мысль, — задумчиво проговорил лорд Рэгнолл. — Пока я надеюсь, что вы отыграете пять фунтов у сэра Юниуса. Он так спесив, что я охотно отдал бы пятьдесят фунтов, только бы увидеть его поражение.

— Шансов немного. Я ведь предупреждал, что на фазанов прежде не охотился. Но коли вы желаете, я попробую.

— Вот и правильно. Послушайте, мистер Квотермейн, стрелять нужно с большим опережением. Я осмеливаюсь советовать вам, как вчера вы советовали мне. Патрон летит куда медленнее дроби, а фазаны — гораздо быстрее, чем кажется. Ну вот, мы уже пришли. Чарльз покажет вам, где встать. Удачи, мистер Квотермейн!

Десять минут спустя семерых охотников расставили так, чтобы они не теряли друг друга из виду. Затем из дальней рощи погнались дичь. Я увлекся наблюдением за подготовкой и пропустил сначала зайца, потом фазаниху, даже не выстрелив. Птицу ловко подбил Ван Куп, стоявший справа от меня через два человека.

— Послушайте, Аллан, — начал Скруп, — если хотите одолеть своего африканского друга, советую проснуться. Будете любоваться природой и белочками на деревьях — останетесь не у дел.

Итак, я проснулся. В тот самый момент раздался возглас: «Впереди птица!» Я подумал, что имеется в виду фазан, но, к вящему своему недоумению, увидел красивую коричневую птичку с длинным клювом, которая, молотя крыльшками, летела ко мне над вершинами дубов.

— В нее стрелять? — спросил я.

— Разумеется, — ответил Скруп. — Это же вальдшнеп.

Тем временем коричневая птичка упорхнула от меня ярдов на десять. Я прицелился и убил ее — осталось лишь облако перьев. Кажется бы, выстрел отличный, но Чарльз подобрал с земли только голову с длинным клювом. Охотники и заряжающие расхохотались.

— Дружище, если очень хотите использовать дробь третьего калибра, пусть птица отлетает подальше от вас, — посоветовал Скруп.

Расстроенный неудачей, я сделал три элементарных промаха кряду, а Ван Куп записал на свой счет еще двух фазанов.

Скруп покачал головой, Чарльз громко застонал. Теперь я состязался не с лордом Рэгноллом, и Чарльз вдруг возжелал, чтобы я победил. Неведомым образом о пари узнали все, а моего соперника егеря не жаловали.

— Еще фазан! — объявил Скруп, показывая на приближающуюся птицу.

Наверное, кто-то наткнулся на этого фазана за пределами охотничьих угодий и вспугнул — летел он поразительно высоко, так высоко, что, когда поравнялся с нашими позициями, в него выстрелили трое охотников, включая Ван Купа, но ни один из них не попал. Потом и я нажал на спусковой крючок, памятуя совет лорда Рэгнолла о стрельбе на опережение. Направление

полета изменилось, и мертвый фазан камнем упал на землю ярдах в пятидесяти от меня.

— Так-то лучше! — похвалил Скруп, а Чарльз расплылся в улыбке, бормоча:

— Ну вот, протер глаза!

Выстрел придал мне уверенности, и результаты мои значительно исправились, хотя, как ни странно, трудную цель — высоко летящих фазанов — я поражал, а по легким мишеням промахивался. Зато Ван Куп, снайпер, без преувеличения, великолепный, бил и ту и другую дичь.

Лорд Рэгнолл, занимавший соседнюю позицию, понаблюдал за моей посредственной стрельбой и предложил мне вместе с ним встать чуть дальше остальных охотников.

— Вижу, птицы высокого полета все ваши, мистер Квотермейн, — отметил он. — Здесь вам будет удобнее.

На сей раз мы встали в ложине меж двумя длинными рошицами, ярдах в трехстах друг от друга. Среди трофеев, добытых участниками охоты, попадалось немало фазанов, наблюдать за меткими стрелками было одно удовольствие. Здесь и у меня результаты подтянулись, хоть и были чуть скромнее, чем у лорда Рэгнолла. Это очень неплохо, ведь его светлость — стрелок отличный.

— Bravo! — воскликнул он после раунда. — Думаю, у вас еще есть шанс отыграть свои пять фунтов.

Однако через час с небольшим, за ланчем, я выяснил, что отстаю от своего оппонента на тридцать голов. Я пожал плечами, другие охотники тоже. В целом же ланч, который мы вкушали у егеря, прошел в приятной обстановке, хотя Ван Куп говорил так много и так чванливо, что заметно раздражал и хозяина, и некоторых других джентльменов, людей чрезвычайно приятных. Под конец он даже позволил себе покровительственный тон, интересуюсь, как мне в последние годы «стрелялось по слонам».

— Неплохо, — ответил я.

— Тогда вам стоит поведать нашим друзьям одну из ваших знаменитых баек. Обещаю не противоречить, — сказал Ван Куп и добавил: — Видите же, наши друзья не такие, как мы, на крупную дичь они не охотились.

— А разве вы, сэр Юниус, охотились? Вот уж не знал! — раздраженно съязвил я. — Разве не вы говорили мне в Африке, что

единственная крупная дичь на вашем счету — бык, подхвативший чихирь?¹ В любом случае для меня охота — профессия, а не развлечение, как для вас, а профессиональные темы я считаю табу.

В ответ Ван Куп расхохотался, после чего Скруп, вернейший из друзей, перечислил мои подвиги. Наконец у меня зазвенело в ушах, и я вышел подышать свежим воздухом.

Пока мы сидели за столом, погода сильно изменилась. Утром царила ясная тишь, а теперь небо заволокло облаками, порывы ветра крепчали, порой сыпал снег.

— Ну и ну! — воскликнул лорд Рэгнолл, вышедший следом за мной. — После ланча пойдем на большое озерное стрельбище. С таким составом нужно подбить семьсот фазанов, а у меня в угодьях может не оказаться и пятисот. Вас, мистер Квотермейн, и сэра Юниуса Фортескью я поставлю чуть дальше остальных. Это лучшая позиция, ведь при сильном встречном ветре многие птицы не долетят до озера. Я, если позволите, отправлюсь с вами, но стрелять не стану: для этого раунда хватит и шести участников. На сегодня я пас.

— Боюсь, вы разочаруетесь, — нервно предупредил я.

— Нет, это исключено, — ответил лорд Рэгнолл. — Скажу честно: один сезон регулярных тренировок — и в охоте на фазана вы превзошли бы многих из нас. Пока вам в новинку и птичьи повадки, и эти ружья. Выпейте стакан шерри-бренди, это поможет успокоиться.

Я выпил шерри-бренди, и мы пустились в путь. Стрелять предстояло там, куда мы целое утро сгоняли дичь: у роци протяженностью около мили, довольно обширной на вершине склона, а книзу сужающейся ярдов до двухсот. Спуск вел к озерцу в виде подковы, ярдов пятьдесят шириной. Четверых стрелков поставили вдоль берега — прямо над ними полетят фазаны, спеша укрыться среди деревьев на другом холме. Нам с Ван Купом указали место выше, на прогалинах, ярдах в семидесяти над озером, справа и слева от него. Я с ужасом понял, что все наши успехи и неудачи будут видны стрелкám, стоящим на берегу, равно как и немногочисленным зрителям — среди них я заметил

¹ В оригинале «красная вода», английское обиходное название пироплазмоза — инфекционной болезни крупного рогатого скота.

своего знакомого оружейника. Они собрались на участке, откуда могли следить за охотой, не мешая нам. Зато по дороге к лодке, на которой мы намеревались переправиться через озеро, произошел случай, который значительно улучшил мое настроение и помог сорвать аплодисменты.

Вместе с лордом Рэгноллом, Скрупом и Чарльзом мы ярдов на шестьдесят отошли от полосы высоких деревьев, когда раздался хриплый возглас: «Куропатки!» Кричал Дженкинс Альфий Жилет, который руководил выгоном дичи в кустарнике у озера, а сейчас поднялся по склону.

— Внимание, мистер Квотермейн, они приближаются! — подсказал лорд Рэгнолл, а Чарльз вручил мне заряженное ружье.

Мгновение спустя над вершинами деревьев показалась большая стая куропаток. Птицы летели длинным редким строем, быстро или нет, я судить не мог, потому что их гнала буря, которая крепчала с каждой минутой. Я выстрелил, одна птица упала к моим ногам. Снова выстрелил и попал. Схватил второе ружье и пальнул в третью куропатку, летевшую высоко надо мной. Потом развернулся, прицелился в последнюю удаляющуюся птицу, и — раз! — она тоже упала. Вот он, выстрел на большое расстояние!

— Боже мой! — пролепетал Скруп. — Ничего подобного я в жизни не видывал!

Лорд Рэгнолл уставился на меня, Чарльз присвистнул.

Сейчас я скажу правду и распишусь в своей никчемности. Вторая убитая мной куропатка оказалась не той, в которую я целился. Стрелял я в пролетающую надо мной птицу, а попал в следующую. Тщеславный, я не признался в оплошности, по крайней мере до вечера того дня.

Я слушал поздравления, тем временем четырех убитых куропаток собрали — подранков среди них не оказалось — и повезли нас на лодке к роще. Перелезая через борт, я заметил у Чарльза не только большие мешки, но и коробку патронов под мышкой и спросил, откуда они.

Чарльз ответил, что от мистера Попема — так звали оружейника. Дескать, он принес их на случай, если мне не хватит. Я промолчал, хотя из трехсот пятидесяти купленных у меня осталась добрая половина патронов. Сколько же еще придется стрелять!